

УДК 821.512.111
ББК 83.3(2=635.1)

Научная статья

FIN DE SIÈCLE В РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ЧУВАШСКОЙ ПРОЗЕ

М. В. Кирчанов

Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Россия
maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Аннотация. Цель исследования — анализ fin de siècle как переходного культурного и интеллектуального состояния в развитии чувашской идентичности, представленной в текстах Çeçpĕl Мишши (Михаила Сеспеля) и Хумма Çеменĕ (Семена Фомина). Автор разбирает различные формы воображения и изобретения состояния fin de siècle в ранней советской чувашской прозе и полагает, что этот культурный феномен актуализировал противоречия динамично модернизирующегося общества, пребывавшего в состоянии советизации литературного дискурса. Новизна исследования состоит в комплексном анализе явления «конца века» в истории чувашской литературы как формы развития национализма и идентичности в конце 1910-х — начале 1930-х гг. В статье проанализированы: 1) элементы культурного дискурса «конца века» в рассказе Çeçpĕl Мишши «Дети леса»; 2) трансформация и развитие восприятия состояния fin de siècle в прозе Хумма Çеменĕ; 3) роль и значение дискурса fin de siècle в трансформации чувашской идентичности и национализма в конце 1910-х — начале 1930-х гг. Предполагается, что развитие нарративов, формировавших культурный канон исторического и социального состояния «конца века» в чувашской идентичности, протекало дискретно. Изучены литературные формы fin de siècle, определяемые как одна из изобретенных традиций чувашской идентичности и национализма. На взгляд автора, в период «конца века» чувашская идентичность развивалась на фронтире социально-исторических времен, завися от политической конъюнктуры в контекстах синтеза ценностей культурного национализма с принципами идеологического дискурса.

Ключевые слова: чувашский национализм, чувашская идентичность, чувашская литература, fin de siècle, Çeçpĕl Мишши, Хумма Çеменĕ, советизация

Для цитирования: Кирчанов М. В. Fin de siècle в ранней советской чувашской прозе // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 18 — 29

© Кирчанов М. В., 2025

Scientific article

FIN DE SIÈCLE IN EARLY SOVIET CHUVASH PROSE

M. V. Kirchanov

Voronezh State University,
Voronezh, Russia
maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Abstract. The aim of the study is to analyze fin de siècle as a transitional cultural and intellectual state in the development of the Chuvash identity. The texts of Çeçpĕl Mishshi (Mikhail Sespel) and Khumm Çemenĕ (Semyon Fomin) have been analyzed. The author studies various forms of imagination and invention of fin de siècle state in early Soviet Chuvash prose. This cultural phenomenon is supposed to actualize the contradictions of a dynamically modernizing society being in a state of Soviet era literary discourse. The novelty of this study is the comprehensive analysis of the “the end of the century” phenomenon in the history of the Chuvash literature. The author analyzes literature as a form nationalism and identity development in the late 1910s — early 1930s. The article analyzes the elements of the cultural discourse “the end of the century” in the story “Children of the Forest” by Çeçpĕl Mishshi. The transformation and development of the perception

“fin de siècle” state in the prose of Humm Zemenĕ have been studied. The role and significance of the discourse fin de siècle in the transformation of the Chuvash identity and nationalism in the late 1910s — early 1930s have been revealed. The development of narratives is supposed to have formed the cultural canon of the historical and social state of “the end of the century” in the Chuvash identity and it was discretely. The literary forms of fin de siècle to be as one of the invented traditions of the Chuvash identity and nationalism have been studied. According to the author, the Chuvash identity developed on the frontier of socio-historical times depending on the political situation in the contexts of the synthesis of cultural nationalism values with the principles of ideological discourse in fin de siècle period.

Keywords: Chuvash nationalism, Chuvash identity, Chuvash literature, fin de siècle, Çeçпĕл Mishshi, Khumma Çemenĕ, the Soviet era

For citation: Kirchanov M.V. Fin de siècle in early Soviet Chuvash prose // Modern humanities. 2025;1(3):18 — 29

Āслăлăх статийи

«ĖМĖР ПĖТМĖШĖ» ЧĂВАШ СОВЕТ ПРОЗИН ПУСЛАМĂШ ТАПХĂРĖНЧЕ

М. В. Кирчанов

Воронеж патшалăх университетĕ,
Воронеж хули, Раçсей
maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Аннотаци. Тĕпчев тĕллевĕ — Çеçпĕл Мишшипе Хумма Çеменĕн тексĕсенче сăнланнă чăваш пĕрешкеллĕхĕн аталанăвĕнчи «Ėмĕр пĕтмĕшне» культурăпа интеллект тăрăмĕ пек тишкересси. Автор чăваш совет прозин малтанхи тапхăрĕнчи fin de siècle пулăмăн ас сăнарланăвĕпе аслайĕн тĕрлĕ хапине пăхса тухать, культурăн çак феноменĕ тулли куçамлăн сĕнелсе аталанакан обществăн хире-хирĕслĕхĕсене сивĕчлетнине, литература дискурсĕ советланса пынине палăртать. Тĕпчев сĕнелĕхĕ — чăваш литературин историйĕнчи «Ėмĕр пĕтмĕшĕ» пулăма сыхăнуллăн сўтсе явни, ана 1910 çулсен вĕçĕнчи — 1930-мĕш çулсен пуçламăшĕнчи национализмпа пĕрешкеллĕх аталанăвĕн уйрăмĕнĕ пек хаклани. Статъяра çак ыйтусене тишкернĕ: 1) Çеçпĕл Мишшин «Вăрман ачисем» калавĕнчи «Ėмĕр пĕтмĕшĕ» культура дискурсĕн элеменчĕсем; 2) Хумма Çеменĕн прозинче fin de siècle улшăнса пыни тата туйăм шайĕнче аталанни; 3) чăваш пĕрешкеллĕхĕпе национализмĕ 1910 çулсен вĕçĕнче — 1930-мĕш çулсен пуçламăшĕнче улшăнса пынинчи fin de siècle вырăнĕпе пĕлтерĕшĕ. Чăваш пĕрешкеллĕхĕнчи «Ėмĕр пĕтмĕшĕн» истори-социо йĕрке-тăрăмне тытăмлакан нарративсен аталанăвĕ татакăн-татакăн пулса пынă теме май пур. Fin de siècle пулăмăн литература хаписене тĕпченĕ, вĕсем чăваш пĕрешкеллĕхĕн аслай традицийĕсенчен пĕри пек пайăрланаççĕ. Автор шухăшĕпе — «Ėмĕр пĕтмĕшĕн» тапхăрĕнче чăваш пĕрешкеллĕхĕ социо-истори вăхăчĕсен чиккинче аталаннă, политика конъюнктурине пăхăннă, вăл вара культура национализмĕн хаклăхĕсемпе идеологи дискурсĕн принципĕсен синтез сыхăнăвĕсенчен тухса тăнă.

Тĕп сăмахсем: чăваш национализмĕ, чăваш пĕрешкеллĕхĕ, чăваш литератури, fin de siècle, Çеçпĕл Мишши, Хумма Çеменĕ, советлану

Цитатăлама: Кирчанов М. В. «Ėмĕр пĕтмĕшĕ» чăваш совет прозин пуçламăш тапхăрĕнче // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 3 №. С. 18 — 29

Введение

На протяжении XIX и XX столетий национализм стал универсальной политической и культурной категорией, существенно повлияв на основные векторы и траектории развития западных обществ. Во второй половине XIX в. начинается развитие национализма миноритарных групп на территории Российской империи. К таким сообществам относились и чуваши. Процессы социальной, политической

и культурной модернизации среди чувашей начались поздно в сравнении с другими миноритарными группами Российской империи. Тем не менее они привели к радикальным трансформациям в ранее архаичной и традиционной идентичности в направлении ее превращения в идентичность современной политической гражданской нации.

В такой ситуации для развития чувашской идентичности второй половины XIX — начала XX в. была присуща замедленная социальная динамика. Чувашаи позднее, чем другие меньшинства на территории России, вступили на путь политической модернизации. Замедленные темпы социальных перемен не помешали им пройти этот путь трансформации от преимущественно крестьянского сообщества в направлении политической нации не менее быстро, чем другие группы региона. Протекание ускоренной и форсированной, политически и идеологически мотивированной и санкционированной модернизации привело к развитию культурных и интеллектуальных диспропорций в чувашском историческом воображении. Среди этих новых культурных веяний оказалось и состояние *fin de siècle*, отражавшее одновременно как интенсивную скорость социальных перемен, так и общую незавершенность политических трансформаций, связанных со специфической развития чувашского национализма как периферийного [7].

Цель и задачи статьи

В современной историографии заметны диспропорции, в рамках которых «изучение национализма в значительной степени формировалось политологией, социологией и историей и было сосредоточено на условиях, при которых возникает национализм, хотя именно национальная литература стала не просто выражением характера нации, но и свидетельством ее заслуг и даже легитимности» [24, р. 99]. Это привело к вытеснению условно литературных сюжетов не менее условными историческими и политологическими дискурсами. Поэтому в центре внимания в представленной статье будут проблемы феномена *fin de siècle* как переходного состояния в развитии чувашской идентичности, локализуемой и представленной в литературных текстах. Целью статьи является анализ явления «конца века» в его текстуализированном выражении, фиксируемом в дискурсе чувашской литературы. В число задач входят: 1) изучение восприятия проблем идентичности в условиях переходного общества в текстах чувашских авторов; 2) выявление тенденций кризиса традиционной и архаичной идентичности как системной характеристики изучаемого периода, освещенного в чувашской литературе; 3) анализ исторической роли текстов, отражающих изучаемое состояние в интеллектуальной и культурной истории, а также в истории идей чувашской литературы.

Материалы и методы

Методологически статья основана на достижениях современной междисциплинарной историографии. Феномен *fin de siècle* рассматривается не только и не просто в контекстах исторической темпоральности и протекания исторического времени. Предпринята попытка изучить его как изобретенную традицию через призму истории идей. Последние нашли свое отражение в литературе, воспринимаемой в качестве основного элемента как национализма, так и формируемых им идентичностей [22].

В историографии, таким образом, показано, что «связь между нацией и ее эстетическим представлением» [1, р. 191] о себе как сообществе, отраженном преимущественно в литературе, носит системный характер. Воспринимая *fin de*

siècle как социальный и культурный конструкт, автор тем самым актуализирует в статье потенциал социального конструктивизма, который получил значительное распространение в западной историографии, но, к сожалению, практически не используется чувашскими и российскими историками и литературоведами для изучения истории современного состояния миноритарных литератур на территории Российской Федерации.

С одной стороны, автор использует исследовательскую оптику, в рамках которой процессы советизации чувашской идентичности и становление социалистического реализма воспринимается в контекстах ситуации *fin de siècle*. С другой, трансплантируя эту категорию в чувашские контексты, мы предполагаем возможным предложить расширенное видение прошлого. В рамках последнего «исследования соцреализма традиционно основываются на анализе продукта этой культуры (канона), но не процесса производства и потому практически не объясняют социальные истоки и культурные задачи сталинского искусства» [2, с. 10]. Такой подход предусматривает игнорирование рациональных уровней соцреализма. Как следствие, каноны, исторически возникшие в советских республиках, оказываются менее изученными. Поэтому подход автора статьи в значительной степени носит ревизионистский характер, подвергая пересмотру видение проблемы, представленное в предшествующей историографии. Таким образом, деконструируются изучаемые и анализируемые произведения. Деконструкция позволяет воспринимать их как нарративные конструкции. Последние формируют дискурс идентичности как результат деятельности националистов-интеллектуалов, ставших создателями современных национальных идентичностей.

Результаты исследования и их обсуждение

Периферийные национализмы миноритарных групп на территории Российской империи второй половины XIX — начала XX в. отличались целым рядом существенных особенностей, определявших основные направления националистической модернизации. Нерусское население на территории Поволжья преобладало преимущественно в аграрных регионах [5], степень урбанизации и, как следствие, модернизация была незначительной, национальная буржуазия формировалась медленнее, чем у формального русского большинства.

Национализмы миноритарных групп были представлены преимущественно в языковой и культурной сферах. Слабое развитие политического национализма существенно замедлило процессы политизации идентичностей народов Российской империи, на протяжении длительного времени развивавшихся как преимущественно этнические, культурные и языковые движения. В историографии подчеркивается, что «литература внесла и продолжает вносить в артикуляцию национального сознания и в его роль в групповой мобилизации» [23, р. 211] едва ли не решающий и определяющий вклад. Поэтому «литература стала не только средством выражения и распространения националистических идей, но и самой мерой нации» [24, р. 98], что в максимальной степени справедливо в отношении литератур, которые явились следствием развития национально-освободительных движений миноритарных групп.

Дискурс национализма, сместившийся вынужденно из политической сферы в пространство литературного творчества и художественной активности, привел к появлению новых качеств в динамично меняющейся чувашской идентичности. Несмотря на то, что в историографии высказывается мнение, согласно которому «национальная и региональная литература едва ли одно и то же» [15, р. 599],

динамика развития миноритарного национального движения на региональном уровне указывает, что он в состоянии трансформировать литературы в национальные, сделав их пространством своего воспроизводства. Чувашская литература возникла в обществе с неполными социальными структурами, отразив противоречия ускоренной политической модернизации общества в XX в.

Для процессов модернизации в Чувашии была характерна определенная непоследовательность и наличие разрывов, вызванных политической динамикой в регионе. Чувашский культурный национализм оказался крайне зависимым от внутренней политической и идеологической конъюнктуры. История чувашской литературы как формы проявления идентичности характеризуется наличием многочисленных разрывов, что привело к периодическому повторению ситуации *fin de siècle*. Чувашские авторы активно рефлексировали относительно этой ситуации, став активными участниками процессов национального строительства. Именно они актуализировали противоречия эпохи, отражая последние в своих текстах и конструируя тем самым различные проекты чувашской политической, этнической и культурной идентичности.

Развитие чувашской литературы как формы проявления национализма в XX в. прошло через несколько периодов *fin de siècle*, совпавших с деятельностью, вероятно, наиболее ярких фигур в истории чувашской литературы, успевших внести свой вклад в развитие культурного национализма и идентичности. Параллельно эта ситуация была актуализирована и в истории политической мысли, что нашло отражение на страницах издания под красноречивым названием «Хыпар» («Весть») — первой чувашской газеты.

Чувашские интеллектуалы периодически актуализировали культурное состояние *fin de siècle* в своих текстах, отражая противоречия развития национализма. Показательным в этой ситуации стал вопрос, сформулированный Гурием Комиссаровым (Вандером) относительно экзистенциального измерения чувашского проекта. Реагируя на политические процессы, социальные перемены и ускорение исторического времени, Г. Вандер сформулировал вопрос радикально: «*Чăваш халăхĕ малалла кайĕ-ши, каймĕ-ши?*»¹ [8]. Последующая политическая и культурная динамика, связанная с институционализацией как автономии, так и чувашской идентичности, показала, что проблема, затронутая Вандером, не утратила своей актуальности.

Первым автором, который внес существенный вклад в институционализацию явления *fin de siècle* в чувашской литературе, пытаюсь показать потенциал чувашей как нации и их способность адаптироваться к переменам, стал *Çеçпĕл Мишиши* — создатель современной чувашской идентичности и современной чувашской литературы [6]. Позднее это же состояние было актуализировано в текстах *Хумма Çеменĕ*, который в целом стимулировал процессы кодификации, стандартизации и укрепления одновременно национального и идеологического дискурса, предложенного *Çеçпĕл Мишиши*. Если Сеспель формировал дискурс, то Фомин действовал в рамках уже формально советского, то есть левого политического дискурса, стремясь при этом воспроизвести в своих текстах особенности чувашского проекта как националистического.

Первая попытка фиксации культурного интеллектуального состояния *fin de siècle* в чувашской литературе связана с деятельностью *Çеçпĕл Мишиши* [9]. Он

¹ Буквально: «Пойдет ли чувашский народ вперед, не пойдет ли?». Перевод Г. И. Комиссарова (Вандера): «Может ли чувашский народ иметь свое будущее?». — М. К.

стал фактически создателем как современной чувашской современной идентичности, так и современной литературной традиции. Эта активность хронологически совпала с процессами советизации чувашского культурного дискурса [20]. Важнейшим источником, фиксирующим состояние *fin de siècle* в ранней современной чувашской литературе, стал рассказ «*Върман ачисем*» («Дети леса»). Текст основан на оппозиции двух исторических и социальных времен — архаичного как традиционного и современного как современного, что актуализирует не только состояние конца времени, но и столкновения различных форм исторической темпоральности [19].

Один из героев рассказа, дед Ухилле, символизирует приверженность чувашей к традиционности и архаичному укладу жизни, основанному на синтезе языческих и православных традиций. Текст актуализирует чувство ностальгии относительно утрачиваемого прошлого: «Эх и времена пошли! Забывают люди обычаи дедов, а бывало, каждое полнолуние толпой собирались у старого дуба, теперь же за год — всего раза два, да и то кое-как. Да, забыли тебя, Великий киреметь, забыли!» [10, с. 204]. Состояние *fin de siècle* в прозе *Çеçнĕл Мишши* проявляется в оппозиции русского и чувашского миров: «Все киреметь да киреметь тебе, старый! Вот нагрянут русские, чем расплатимся за подати?» [10, с. 204]. Такая оппозиция в раннем советском чувашском литературном дискурсе указывает на определенную роль и значение этноцентризма, который не только стал основой национальной литературы, но и современного нарратива в ее историческом развитии [4, с. 135].

В этом контексте состояние *fin de siècle* делало явным столкновение двух культурных и социально-экономических укладов, основанных, с одной стороны, на традиционности, а с другой — на противостоящей ей экономической рациональности. Поэтому в рамках экономической конкуренции русские негативно воспринимают чувашей, используя почти исключительно традиционную и архаичную, то есть религиозную, аргументацию, называя их «чертовыми сынами» [10, с. 214]. Между этими двумя мирами в рассказе «*Върман ачисем*» присутствуют и национальные провал / разрыв, так как русские герои крайне негативно и скептически относятся к чувашам, предпочитая не воспринимать их в качестве равных партнеров, но стремясь к социальной и экономической дискриминации последних, что указывало на противоречие активно развивающегося российского капитализма на стыке XIX и XX вв., то есть в условиях фактического *fin de siècle*, который принудительно интегрировал в новые отношения миноритарные группы.

В подобных культурных ситуациях литература выступает в качестве фактора, который «характеризует историческое самосознание процесса строительства нации» [21, р. 19]. Поэтому герои рассказа «*Върман ачисем*» патетически декларируют: «О Боже! Боже! О великий дух у опушки леса, о бог лугов, как нам быть... забыли обычаи дедов — вот и пошли неурожай да голод, скотина мрет» [10, с. 206]. Символом столкновения старого и нового, самим олицетворением состояния *fin de siècle* становится сообщение о том, что русские собираются строить железную дорогу, по которой «телеги будут бегать без всяких лошадей» [10, с. 206], что воспринимаются не просто как нечто новое, но как подрыв самой традиции.

Символом нового времени, состояния *fin de siècle*, становится железная дорога, по которой «с грохотом и со свистом выскочило что-то из леса и бурей пронеслось мимо» [10, с. 212]. Попытка чувашей принять участие в строительстве

железной дороги приводит к человеческой и национальной трагедии, так как в рамках конкуренции с русскими большинство чувашей гибнет, будучи убитыми и утопленными. Единственной альтернативой для чувашей становится не адаптация и приспособление к вызовам fin de siècle, но попытка архаизации, то есть стремление актуализировать ресурсы коллективной исторической памяти как системной основы традиции. Поэтому «сердце Сюхеби опалило горем, ему пришли на память дальний дремучий лес, родная деревня, великий киреметь. Он пошел в лес, встал на колени перед деревом и начал молиться» [10, с. 216].

Завершение рассказа «Върман ачисем» в значительной степени является символическим, так как двое выживших чувашей, вернувшиеся с неудачного для них строительства железной дороги, то есть попытки фактического собственного отказа от традиции и приобщения к новому миру, увидели священный дуб упавшим. Этот факт является олицетворением состояния fin de siècle, в рамках которого столкнулись различные версии идентичности и разные социально-экономические уклады. Чуваша и русские, таким образом, оказались в состоянии непримиримой конкуренции и противостояния, символизируя различные модели исторической темпоральности, протекания исторического времени и реакции на эти изменения.

Fin de siècle отражено и в прозе Хумма Семенё 1920 — 1930-х гг. В его текстах мы фиксируем столкновение двух миров — традиционного и современного — в условиях постоянно углублявшихся тенденций советизации чувашского культурного и литературного дискурса. Последнее стало результатом его интеграции в широкий советский культурный канон. Эти процессы, институционализируя идеологические предписания социалистического реализма, фактически стимулировали процесс национального модерна, связанного с национализмом [17]. Носители традиционной чувашской идентичности оказываются в состоянии, когда «страшно сейчас в лесу! Страшен паровоз! Страшны солдаты с красными звездочками и штыками на винтовках» [14, с. 13].

Подобно прозе Сеснёл Мишиши, Хумма Семенё фиксировал столкновение русских и чувашей, что приводило к насилию: «Совсем близко прогремел ружейный залп. А-а-а убили! — громко взвизгнул Пракуш. И тут же замолк. — Пракуш! — кричу я. — Пракуш! — Но Пракуш не откликается... Пракуш молчит. Пракуш мертв. Страшно!» [14, с. 14]. В рамках такого видения мира, порожденного столкновением различных исторических эпох и социальных времен, различных моделей функционирования истории и самой темпоральности и культурной природы ее протекания [24], герои прозы Хумма Семенё уверены, что «если умирать, то лучше умирать в родной деревне» [11, с. 104]. Автор, таким образом, фиксировал наличие устойчивых связей между чувашскими локальными сообществами и формируемым образом родной земли. Последний позднее окажется интегрированным в концепты идентичности современной чувашской нации, став одной из изобретенных традиций.

Более того, само состояние fin de siècle, фактически описанное Хумма Семенё, воспринимается почти эсхатологически как конец исторического, чувашского, времени, когда «звезды над нами погасли, настала темная ночь: в такой темноте нас никто не увидит» [11, с. 110]. В подобной системе координат fin de siècle воспринимается как «страшное время» [14, с. 16]. Поэтому герой остается фактически один на один с природой как олицетворением архаичной традиции, будучи вынужденным выступать с мольбами в ее отношении: «Эй, облака!

Темные, грозные облака! Куда вы мчитесь? Куда торопитесь? Кто вас гонит? Да скажите же! Скажите! Но нет. Облака молчат. Облака не говорят» [14, с. 17]. С другой стороны — герой сталкивается с официальным восприятием состояния сопряжения, стыка и соприкосновения времен, когда священник декларирует, что «наступили страшные дни. Нет в мире спокойствия. Разбойники, какие-то гвардейцы, посланные сатаной, грабят народ... эти муки и беды бог шлет на нас за грехи наши. Слишком много мы согрели. По наущению дьявола свергли царя» [14, с. 17].

Социальные и радикальные политические изменения в прозе *Хумма Семенё* являются фоном для чувашско-русской культурной и социальной конфронтации и столкновения. С одной стороны, различных идентичностей — идентичности традиционной и другой идентичности, к тому времени в определенной степени уже принудительно модернизированной и измененной, а с другой — двух модусов исторического времени, в основе которых лежало разное понимание традиционности и современности. Поэтому герои *Хумма Семенё* спорят относительно возможности или невозможности отправки чувашских детей в Москву, так как опасаются, что там «из них мыло сварят или сделают коммуна-ми» [1, с. 111].

Повесть «Лихая година» фиксирует в этом контексте стартовые условия ситуации и состояния *fin de siècle* на уровне чувашского традиционного общества, для которого еще в значительной степени характерны патриархальные традиции и отношения. Символом последних становится соблюдение языческих обрядов формально православными чувашами: «День жертвоприношения. В полдень все жители деревни вместе со стариками и ребятишками спустились к речке... Вот один наполнил ведро водой и вылил на жертвенного барана. Тот отряхнулся. Тогда его тут же схватили и зарезали. На земле соорудили очаги, повесили над ними два огромных котла: в одном варится баран, в другом — каша. Все пришли на речку с миской и ложкой, ждут, когда сварится лакомая пища... Самый старший из стариков начал что-то бормотать и приговаривать над котлами... Люди встали... Жертвоприношение кончилось, а дождя по-прежнему нет. Но люди разошлись, уверенные, что если не сегодня, то послезавтра дождь обязательно будет» [11, с. 99 — 100].

Системные характеристики и состояния *fin de siècle* как фронта и пограничья между различными этапами в истории становится насилие. Поэтому восставшие бедные крестьяне убивают своего зажиточного соседа. В традиционной социальной системе координат это убийство воспринимается как проявление социальной справедливости: «Этой ночью состоялся страшный суд над хutorянином. Суд страшный, надолго запомнившийся всей округе. Злобно, гневно шумит народ: отберите все его барахло! Отобрали. Заберите скот. Скот забрали. Избить его семью. Избили семью. Свяжите хозяина! Хозяина связали... Убьем хозяина! Сжечь его, злодея!.. Народ рассвирепел. Хutorянина быстренько привязали к столбу, под ноги постелили солому... Облить его сначала керосином!.. Из дома вынесли в банке керосин. Выплеснули всю банку на хutorянина... Кто-то тут же поджег солому. Пламя огненной змеей обвилось хutorянина. Сгорел хutorянин вместе со столбом, превратился сначала в красноватый уголь, потом в черный, цвета земли, пепел» [14, с. 24 — 25].

Хумма Семенё в своей прозе фиксировал не только факты социально и идеологически мотивированного насилия, которое стимулировалось экономически-

ми причинами и противоречиями. Автор подчеркивал столкновение различных идентичностей, что стало системной характеристикой состояния *fin de siècle* как переходного времени между двумя различными историческими эпохами. В этом контексте его проза идеологически совпала с теми тенденциями, в рамках которых функционировала ранняя советская литература в целом [1], став частью процессов советизации чувашского дискурса и утверждения соцреализма как универсальной формы его существования. Расхождение между различными формами исторического времени в прозе чувашского писателя проявляется в отношении его героев к религии, которое было крайне различно. Если для нового поколения чувашей, социализация которого уже прошла в историческую эпоху *fin de siècle*, основанную на радикальном отказе от традиции и архаичности, то герои более старшего возраста оказываются не в состоянии воспринять радикальную модернизацию.

Поэтому, если молодые чуваша, проходившие социализацию в рамках советской модели, относились к «церковному колоколу, иконам, попам и прочей дребедени как к чему-то бессильному и жалкому» [13, с. 174], «смеялись над смешными картинками о попах», когда «два папа не поделили между собой собранные в церкви деньги и таскают друг друга за волосы» [12, с. 133], то представители старшего поколения, для которых само состояние *fin de siècle* стало разрушением их традиционного мира и кризисом архаичной идентичности, реагируют на это крайне радикально: «Свинья! Не пушу завтра в школу! Сиди дома, все равно кроме вреда ничему не научишься!» [12, с. 133]. В этом контексте Хумма Семенё актуализировал не только особенности советизации как модернизации, но и смену идентичности в рамках процесса, определенного историком литературы соцреализма Е. Добренко как «формовка советского читателя» [3].

Итак, в чувашской ранней советской литературе были заложены основные принципы, которыми авторы руководствовались при описании и актуализации в своих текстах переходного состояния *fin de siècle*. Последнее воспринималось ими в качестве символической и хронологической границы между различными формами исторического времени. Системными характеристиками *fin de siècle* стали насилие и социальная конфронтация, фактически актуализировавшие и визуализировавшие как кризис традиционности, так и столкновение различных архаичных и современных идентичностей. Все это указывало на начавшиеся модернизационные процессы, впоследствии приведшие к появлению новой современной чувашской идентичности. Правда, отягощенной опытом насилия, порожденной ускоренной сменой исторических времен, что не просто пролонгировало *fin de siècle* как состояние, но и вынудило интеллектуалов актуализировать образы этого темпорального фронта, что вело к его превращению в изобретенную традицию.

Заключение

Состояние *fin de siècle* в чувашской литературе конца 1910-х — первой половины 1930-х гг. актуализировало незавершенность процессов национально-строительства, зависимость чувашского национального проекта от внешней и внутренней политической и идеологической конъюнктуры. Актуализация качеств и характеристик *fin de siècle* чувашскими авторами свидетельствует о том, что это явление ими было трансформировано и преобразовано в одну из изобретенных традиций идентичности. Важнейшими проявлениями последней фактически стала незавершенность процессов социальной модернизации. Кроме этого, нация поли-

тически не была институционализована в полной мере. Поэтому культурная и интеллектуальная сфера развивалась непропорционально активнее в сравнении с политическими и экономическими измерениями чувашского национализма.

Тем не менее образы *fin de siècle* в истории чувашской литературы XX и начала XXI в. стали важной и почти системной изобретенной традицией, свидетельствующей не только о наличии глубокого адаптивного потенциала и способности чувашского национализма относительно успешно приспосабливаться к внешним вызовам и адаптироваться к разного рода эссенциальным угрозам, но и о необходимости дальнейшего компаративного изучения восприятия и отражения состояния *fin de siècle* в чувашской литературе в сравнении с другими российскими и зарубежными литературными традициями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен: Отто Загнер, 1993. 405 с.
2. Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. Санкт-Петербург: Академический проект, 1999. 557 с.
3. Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. Санкт-Петербург: Академический проект, 1997. 321 с.
4. Ибрагимов М. И. Как писать истории национальных литератур? // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 312 — 321. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-312-321>.
5. Кирчанов М. В. Доиндустриальное общество в Чувашии и традиционная идентичность (вторая половина XIX века) // Общество: социология, психология, педагогика. 2013. № 1. С. 15 — 21.
6. Кирчанов М. В. Советизация чувашского текста, формовка интеллектуалов (дискурсы литературного модерна в Чувашии в 1917 — 1930-е гг.) // *Studia Türkologica*. Воронежский тюркологический сборник. 2007. Вып. 2. С. 6 — 15.
7. Кирчанов М. В. Хресченсем — халӑх — чӑваш наци: воображая и создавая чувашскую нацию (проблемы истории чувашского национализма конца XIX — начала XXI века). Воронеж: Научная книга, 2013. 243 с.
8. Комиссаров Г. И. Чӑваш халӑхӗ малалла кайӗ-ши, каймӗ-ши? [Может ли чувашский народ иметь свое будущее?] // Комиссаров (Вантер) Г. И. Чӑваш халӑхӗн историйӗ [История чувашского народа]. Шупашкар: Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2017. С. 113 — 150.
9. Никифорова В. Михаил Сеспель // История чувашской литературы XX века. 1900 — 1955 годы / ред. В. Г. Родионов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 222 — 235.
10. Сӗсӗл М. Вӑрман ачисем [Дети леса] // Сӗсӗл М. Сӑрнисен пуххи. Поэзи. Проза. Драматурги. Сӑрусем [Собрание сочинений. Поэзия. Проза. Драматургия. Письма]. Шупашкар: Чӑваш кӗнеке изд-ви, 1989. С. 204 — 221.
11. Фомин С. Лихая година // Фомин С. Воскресение Орфея. Рассказы и повести / пер. с чувашского И. Митты. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. С. 92 — 123.
12. Фомин С. Наша сила // Фомин С. Воскресение Орфея: рассказы и повести / пер. с чувашского И. Митты. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. С. 133 — 145.
13. Фомин С. Необычная пасха // Фомин С. Воскресение Орфея: рассказы и повести / пер. с чувашского И. Митты. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. С. 169 — 174.
14. Фомин С. Шторм // Фомин С. Воскресение Орфея: рассказы и повести / пер. с чувашского И. Митты. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. С. 12 — 26.
15. Corse S. M. Nation-building and the historical timing of a national literature in the United States // Corse S. M. Nationalism and Literature: The Politics of Culture in Canada and the United States. Cambridge Cultural Social Studies. Cambridge University Press; 1996;19: 18 — 33.
16. D’Haen T. Nation and Literature // *The Cambridge History of Nationhood and Nationalism* / eds. C. Carmichael, M. D’Auria, A. Roshwald. Cambridge: Cambridge University Press, 2023:706 — 726.
17. Kirchanov M. V. Chuvash national utopia inspired by the revolution: between nationalism and communism // *Problems of Social and Humanitarian Sciences*. 2017;3(13):41 — 49.
18. Kyrchanoff M. W. Difficulties of mental mapping of historical time in the Chuvash national identity: cultural continuities and intellectual failures // *Social Evolution and History*. 2017;16(1):128 — 155.
19. Kyrchanoff M. W. Imagining Chuvash historical time: historical continuities and intellectual failures // *Tractus Aevorum*. 2017;4(2):134 — 155.

20. Kyrchanoff M. W. Intellectual strategies of sovietization as overcome of frontier, or how Chuvash nationalists formed socialist canon of the 1920s and 1930s // *Journal of Frontier Studies*. 2016;2(9 — 22).
21. Maurer S. National and regional literatures // *The Cambridge History of Victorian Literature* / ed. K. Flint. Cambridge: Cambridge University Press, 2012;599(598 — 621).
22. Menges K. Particular Universals: Herder on National Literature, Popular Literature, and World Literature // *A Companion to the Works of Johann Gottfried Herder* / ed. H. Adler, W. Koepke. L. — New York: Boydell & Brewer, 2009;191(189 — 214).
23. Suleiman Y. The Nation Speaks: On the Poetics of Nationalist Literature // *Literature and Nation in the Middle East* / eds. Y. Suleiman, I. Muhawi. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006;211:208 — 231.
24. Wright J. M. Literature and nationalism // *The Cambridge History of Literary Criticism* / ed. H. Mar. Cambridge: Cambridge University Press, 2013:97 — 114.

REFERENCES

1. Dobrenko E. Metaphor of Power. Literature of the Stalin Era in Historical Light. Munich;1993:405. (In Russ.)
2. Dobrenko E. Molding of a Soviet writer. Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture. Saint Petersburg;1999:557. (In Russ.)
3. Dobrenko E. Molding of a Soviet reader. Social and Aesthetic Prerequisites for the Reception of Soviet Literature. Saint Petersburg;1997:321. (In Russ.)
4. Ibragimov M. I. How to Write Histories of National Literatures? // *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2023;20(2):312 — 321. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-312-321>. (In Russ.)
5. Kirchanov M. V. Pre-industrial society in Chuvashia and traditional identity (second half of XIX century) // *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2013;1:15 — 21.
6. Kirchanov M. V. Sovietization of the Chuvash text, molding of intellectuals (discourses of literary modernism in Chuvashia in the 1917 — 1930s) // *Studia Türkologica*. Voronezh Turkological collection. 2007;2;6 — 15. (In Russ.)
7. Kirchanov M. V. Khreschensem — halăkh — chăvash nazi: imagining and creating the Chuvash nation (problems of the history of Chuvash nationalism of the late XIX — early XXI centuries). Voronezh;2013:243. (In Russ.)
8. Komissarov G. I. Chăvash halăkhê malalla kaič-shi, kaimê-shi? [Can the Chuvash people have their own future?] // Komissarov (Vanter) G. I. Chăvash halăkhên istoriê [The history of the Chuvash people]. Shupashkar;2017:113 — 150. (In Chuv.)
9. Nikiforova V. Mikhail Sespel // *The history of Chuvash literature of XX century*. 1900 — 1955 / ed. V. G. Rodionov. Cheboksary;2015:222 — 235. (In Russ.)
10. Çeçněл M. Vărman achisem [Children of the Forest] // Çeçněл M. Çymisen pukhi. Poetry. Prose. Playwrights. Zyursem [Collected works. Poetry. Prose. Dramaturgy. Letters] Shupashkar;1989:204 — 221. (In Chuv.)
11. Fomin S. Dashing times // Fomin S. Resurrection of Orpheus. Stories and tales / trans. from Chuvash by I. Mitta. Cheboksary;1987:92 — 123. (In Russ.)
12. Fomin S. Our strength // Fomin S. Resurrection of Orpheus. Stories and tales / trans. from Chuvash by I. Mitta. Cheboksary;1987:133 — 145. (In Russ.)
13. Fomin S. Unusual Easter // Fomin S. Resurrection of Orpheus. Stories and tales / trans. from Chuvash by I. Mitta. Cheboksary;1987:169 — 174. (In Russ.)
14. Fomin S. Storm // Fomin S. Resurrection of Orpheus. Stories and tales / trans. from Chuvash by I. Mitta. Cheboksary;1987:12 — 26. (In Russ.)
15. Corse S. M. Nation-building and the historical timing of a national literature in the United States // Corse S. M. *Nationalism and Literature: The Politics of Culture in Canada and the United States*. Cambridge Cultural Social Studies. Cambridge University Press; 1996;19: 18 — 33. (In Engl.)
16. D'Haen T. Nation and Literature // *The Cambridge History of Nationhood and Nationalism* / eds. C. Carmichael, M. D'Auria, A. Roshwald. Cambridge: Cambridge University Press, 2023:706 — 726. (In Engl.)
17. Kirchanov M. V. Chuvash national utopia inspired by the revolution: between nationalism and communism // *Problems of Social and Humanitarian Sciences*. 2017;3(13):41 — 49. (In Engl.)
18. Kyrchanoff M. W. Difficulties of mental mapping of historical time in the Chuvash national identity: cultural continuities and intellectual failures // *Social Evolution and History*. 2017;16(1):128 — 155. (In Engl.)
19. Kyrchanoff M. W. Imagining Chuvash historical time: historical continuities and intellectual failures // *Tractus Aevorum*. 2017;4(2):134 — 155. (In Engl.)

20. Kyrchanoff M. W. Intellectual strategies of sovietization as overcome of frontier, or how Chuvash nationalists formed socialist canon of the 1920s and 1930s // *Journal of Frontier Studies*. 2016;2(9 — 22). (In Engl.)

21. Maurer S. National and regional literatures // *The Cambridge History of Victorian Literature* / ed. K. Flint. Cambridge: Cambridge University Press, 2012;599(598 — 621). (In Engl.)

22. Menges K. Particular Universals: Herder on National Literature, Popular Literature, and World Literature // *A Companion to the Works of Johann Gottfried Herder* / ed. H. Adler, W. Koepke. L. — New York: Boydell & Brewer, 2009;191(189 — 214). (In Engl.)

23. Suleiman Y. The Nation Speaks: On the Poetics of Nationalist Literature // *Literature and Nation in the Middle East* / eds. Y. Suleiman, I. Muhawi. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006;211:208 — 231. (In Engl.)

24. Wright J. M. Literature and nationalism // *The Cambridge History of Literary Criticism* / ed. H. Mar. Cambridge: Cambridge University Press, 2013:97 — 114. (In Engl.)

Статья поступила в редакцию 18.05.2025;
одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 16.06.2025

Информация об авторе:

Кирчанов Максим Валерьевич, доцент Воронежского государственного университета (394000, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, maksym_kyrchanoff@hotmail.com.

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 18.05.2025;
approved after reviewing 23.05.2025; accepted for publication 16.06.2025

Information about the author:

Maksim V. Kirchanov, Associate Professor Voronezh State University (1, Universitetskaya sq., Voronezh, Russia, 394000), doctor of Sciences in History, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, maksym_kyrchanoff@hotmail.com.

*Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.
The author read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 18.05.2025 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҗҗан 23.05.2025 ырланӑ; 16.06.2025 пичете йышӑннӑ

Автор җинчен:

Кирчанов Максим Валерьевич, Воронеж патшалӑх университетчӗн доцентӗ (394000, Раҗҗей, Воронеж, Университет тӱремӗ, 1), истори аслаӑлахӗсен докторӗ, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, maksym_kyrchanoff@hotmail.com

*Пайталӑх конфликтчӗ: автор пайталӑх конфликтчӗ җуккине пӗлтерет.
Автор ал җырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.*